

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2658-7335-2026-3-7>

УДК 81

Attribution

cc by

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ НОМИНАЦИИ
«РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ» В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Рожик Е.Н.

Кубанский государственный университет

Аннотация. В статье рассматривается аксиологическая специфика номинации «русский интеллигент» в русской лингвокультуре. Цель исследования состоит в выявлении языковых средств, формирующих положительный и отрицательный оценочные полюса данного образа, а также в определении причин их сосуществования. Материалом исследования послужили высказывания русских писателей и мыслителей, лексические единицы и устойчивые выражения, репрезентирующие отношение к интеллигенции. В работе применяются методы контекстуального, дефиниционно-компонентного, аксиологического и лингвокультурологического анализа. Установлено, что положительный оценочный полюс связан с образованностью, нравственной ответственностью, культурой речи, уважением к личности и служением обществу, тогда как отрицательный – со слабостью, нерешительностью, непрактичностью и оторванностью от народа. Показано, что аксиологическая парадоксальность номинации обусловлена одновременным сосуществованием противоположных оценок и исторической изменчивостью социально-культурного типа русской интеллигенции.

Ключевые слова: русский интеллигент, интеллигенция, лингвокультура, оценка, аксиология, культурная коннотация, национальное самосознание.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

AXIOLOGICAL PARADOXICALITY OF THE NOMINATION
“RUSSIAN INTELLECTUAL” IN RUSSIAN LINGUOCULTURE

Elena N. Rozhik

Kuban State University

Abstract. The article examines the axiological specificity of the nomination “Russian intellectual” in Russian linguoculture. The aim of the study is to identify the linguistic means that form the positive and negative evaluative poles of this image and to determine the reasons for their coexistence. The research material includes statements by Russian writers and thinkers, lexical units, and fixed expressions representing attitudes toward the intelligentsia. The study employs contextual, definitional-component, axiological, and linguocultural methods of analysis. The results show that the positive evaluative pole is associated with education, moral responsibility, linguistic culture, respect for the individual, and service to society, whereas the negative pole is connected with weakness, indecision, impracticality, and alienation from the people. It is concluded that the axiological paradoxicality of the nomination is determined by the coexistence of opposite evaluations and the historical variability of the sociocultural type of the Russian intelligentsia.

Keywords: Russian intellectual, intelligentsia, linguoculture, evaluation, axiology, cultural connotation, national self-consciousness.

Funding: Independent work.

Введение

Аксиологическая составляющая языка особенно отчетливо проявляется в номинациях, значение которых включает не только обозначение лица или явления, но и накопленный культурой комплекс оценок. Такие единицы одновременно называют объект и соотносят его с представлениями о достойном и недостойном, положительном и отрицательном. В исследованиях аксиологической семантики оценочные значения соотносятся со шкалой «хорошо плохо – нейтрально», однако в реальном употреблении они тесно взаимодействуют с эмоционально-экспрессивными и стилистическими коннотациями [8]. Поэтому одна номинация способна в разных условиях приобретать противоположный оценочный знак.

Особый интерес представляет номинация «русский интеллигент». В русской лингвокультуре

она не сводится к обозначению человека умственного труда. В ее содержании актуализируются нравственные, интеллектуальные, речевые и поведенческие признаки. Высокая оценка интеллигента как носителя культуры и ответственности сосуществует с ироническим и пренебрежительным отношением к нему как к человеку слабому, непрактичному или оторванному от жизни. Объект исследования – языковая репрезентация образа русского интеллигента; предмет – положительные и отрицательные оценочные признаки номинаций «интеллигент», «интеллигенция», «интеллигентный». Цель – выявить механизмы их аксиологической парадоксальности. Используются контекстуальный, дефиниционно-компонентный, аксиологический и лингвокультурологический методы.

«Интеллигент» как культурно маркированная номинация

Для анализа рассматриваемой единицы принципиально различие предметного значения и культурной коннотации. В.А. Маслова отмечает, что культурная информация представляется через культурные семы, фон, концепты и коннотации [6, с. 54–56]. Именно коннотация объясняет, почему относительно стабильная номинация может получать различные общественные оценки. В слове «интеллигент» социально-профессиональный признак соединяется с ценностным требованием к личности.

Д.С. Лихачев определял русского интеллигента как представителя профессии, связанной с умственным трудом, и одновременно как человека, обладающего «умственной порядочностью» [5, с. 5]. Тем самым социальная характеристика дополняется этической. Врач, инженер, ученый, художник или писатель могут принадлежать к сфере умственного труда, однако это еще не означает признания их интеллигентами в ценностном смысле. Номинация предполагает соответствие определенной культурной норме поведения.

Такое понимание соотносится с установками культуры, которые выступают идеалами, позволяющими квалифицировать личность как достойную или недостойную [6, с. 49]. Следовательно, «интеллигент» – не только название социальной группы, но и нормативная характеристика. Современное исследование понятия «интеллигенция» как составляющей национальной идентичности также подтверждает его культурную маркированность [3].

Положительный оценочный полюс

Наиболее последовательно положительная модель интеллигентности представлена у Д.С. Лихачева. К ее признакам относятся восприимчивость к интеллектуальным ценностям, стремление к знаниям, интерес к истории, эстетическое чутье, понимание другого человека, готовность оказать помощь, отсутствие грубости и злорадства, уважение, воспитанность, ответственность, богатство и точность языка, скромность, доброта и терпимость [4]. Здесь можно выделить интеллектуальный, нравственный, коммуникативный и эстетический компоненты.

Показательно, что образование само по себе не выступает главным критерием. Оно получает положительную оценку лишь в соединении с внутренней дисциплиной и уважением к другому. Особое место занимает культура речи: точность языка и умение уважительно спорить включаются в этический портрет интеллигента. Таким образом, речевое поведение становится одним из признаков ценностного соответствия культурной норме.

Положительная модель включает и общественное служение. Г.И. Успенский связывал интеллигенцию с обязанностью сохранять культуру и достоинство общества [7]. В такой трактовке интеллигент – посредник между культурным наследием и современностью. Положительный полюс поэтому образуют семы «образованность», «нравственность»,

«ответственность», «культура речи», «уважение», «рефлексия», «служение культуре».

Отрицательный полюс и пейоративные номинации

Высокая нормативность образа создает условия и для его критического переосмысления. Отрицательная оценка концентрируется вокруг мягкости, нерешительности, чрезмерной рефлексии, идеализма, недостаточной практичности и оторванности от народа. Показательно, что многие из этих признаков являются обратной стороной качеств, положительно оцениваемых в другой системе координат. Мягкость может интерпретироваться как гуманность или слабость, рефлексивность – как глубина или неспособность к действию.

Языковым выражением такого снижения становятся пейоративные единицы. Производное «интеллигентишка» с уменьшительно-пренебрежительным суффиксом сохраняет предметную связь с базовым словом, но переводит номинацию в отрицательную оценочную зону. В выражении «вшивый интеллигент» культурно престижное обозначение сочетается с резко сниженным определением, создавая аксиологический конфликт. Ироническая формула «а еще шляпу надел» строится на несоответствии внешнего признака культурного статуса ожидаемому поведению.

Важно, что подобные единицы не уничтожают положительный смысл слова «интеллигент». Напротив, их выразительность основана на существовании высокой нормы. Упрек становится возможным именно потому, что от интеллигента ожидают иного поведения. Следовательно, отрицательный полюс внутренне связан с положительным: он фиксирует нарушение или недостижимость культурного идеала.

Особенность аксиологического содержания номинации «русский интеллигент» заключается также в том, что положительная и отрицательная оценки формируются не изолированно, а во многом на основе одних и тех же признаков, получающих различную интерпретацию в зависимости от коммуникативного и культурно-исторического контекста. Так, мягкость и деликатность могут осмысляться как проявление воспитанности, уважения к собеседнику и нравственной культуры, однако в иной системе оценочных координат те же качества способны восприниматься как нерешительность и недостаток деятельной силы. Склонность к рефлексии, интеллектуальному анализу и критическому осмыслению действительности, с одной стороны, входит в положительный образ образованного и ответственного человека, а с другой – может становиться основанием для представления об интеллигенте как о человеке, оторванном от практической жизни. Аналогичным образом ориентация на нравственные идеалы приобретает как положительную характеристику принципиальности, так и отрицательную характеристику непрактичности или чрезмерного идеализма. Следовательно, аксиологическая неоднозначность исследуе-

мой номинации создаётся не только за счёт противопоставления разных признаков, но и в результате вариативной оценки одного и того же комплекса качеств. Именно эта способность культурно значимого признака изменять оценочный знак позволяет рассматривать образ русского интеллигента как динамическое и внутренне противоречивое образование русской лингвокультуры.

Историческая изменчивость оценки

Парадоксальность усиливается исторической подвижностью самой интеллигенции. Н.А. Бердяев описывает смену ее социальных форм: преимущественно дворянскую интеллигенцию сменяет разночинная; «лишний человек» и кающийся дворянин – активный революционер [2]. Одна и та же номинация в разные периоды соотносится с различными моделями поведения, поэтому меняются и ее коннотации.

Особенно показательно описание левой интеллигенции второй половины XIX века. Бердяев сопоставляет ее с монашеским орденом, отмечая аскезу, способность к жертве и перенесению мученичества, но одновременно – нетерпимость и резкое разграничение себя с остальным миром. Один комплекс признаков допускает противоположное оценивание: принципиальность становится либо нравственной стойкостью, либо нетерпимостью; дистанция от обыденного мира – либо духовной независимостью, либо оторванностью от жизни.

Историческая изменчивость проявляется и в различии между существительными «интеллигент», «интеллигенция» и прилагательным «интеллигентный». Обозначения социальной группы легче включаются в общественную полемику и приобретают ситуативные коннотации, тогда как прилагательное в большей степени сохраняет нормативно-положительный смысл, связанный с личностным качеством. Это различие показывает, что оценочный потенциал внутри одного словообразовательного гнезда распределен неравномерно.

Дополнительное подтверждение этой дифференциации дает сопоставление существительного «интеллигентность» с названиями лица и социальной группы. «Интеллигентность» обозначает прежде всего качество и потому легче отвлекается от конкретной социальной принадлежности: оно может быть приписано человеку любой профессии, если его поведение соответствует культурно-нравственной норме. В этом случае положительная оценка становится устойчивее, чем в словах «интеллигент» и «интеллигенция», поскольку объектом оценки выступает не группа, а способ отношения к людям, языку и культуре. Такое расхождение показывает, что внутри одного понятийного поля социальная и этическая семантика развиваются неодинаково: первая сильнее зависит от исторической полемики, вторая сохраняет нормативный характер.

Языковые механизмы аксиологической парадоксальности

Материал позволяет выделить несколько механизмов оценочной трансформации. Первый – контекстуальная переоценка: базовое слово сохраняет предметное содержание, но соединяется с разными характеристиками. Второй – словообразовательное снижение, представленное формой «интеллигентшишка». Третий – контрастная сочетаемость, как в выражении «вшивый интеллигент». Четвертый – ироническая пресуппозиция, опирающаяся на коллективное знание о том, каким должен быть интеллигент.

С точки зрения Е.В. Бабаевой языковыми маркерами культурных ценностей являются наличие специального знака-идентификатора, разветвленная система его признаков, регулярная связь с оценочными семами, функционирование в разных типах дискурса и соотносительность с социальными нормами [1, с. 27–33]. Номинация «интеллигент» соответствует этим критериям: вокруг нее сформировалось устойчивое поле культурных ожиданий, оценочных контекстов, производных и фразеологизированных употреблений.

Поэтому аксиологическую парадоксальность нельзя сводить к простому соседству «положительного» и «отрицательного». Она возникает как способность одного признака менять оценочный знак. Рефлексия, мягкость, принципиальность, культурная дистанция получают разные интерпретации в зависимости от исторического и коммуникативного контекста. Именно такая обратимость оценки составляет существенную характеристику лингвокультурного образа русского интеллигента.

Заключение

Номинация «русский интеллигент» обладает сложной динамической оценочной структурой. Положительный полюс формируют образованность, нравственная ответственность, культура речи, уважение к личности, рефлексивность и служение обществу. Отрицательный связан со слабостью, нерешительностью, непрактичностью и оторванностью от народа и выражается, в частности, через пейоративное словообразование, сниженную сочетаемость и иронические речевые формулы.

Аксиологическая парадоксальность состоит в том, что противоположные оценки не образуют двух независимых моделей: они соотносятся с одним культурным идеалом. Одни и те же качества – мягкость, рефлексия, принципиальность, дистанция от массового мнения – в разных контекстах могут менять оценочный знак. Этому способствует историческая изменчивость социального типа интеллигенции.

Таким образом, «русский интеллигент» представляет собой культурно маркированную номинацию, в которой социальный смысл соединяется с нормативно-этическим. Ее анализ показывает, что культурная ценность может существовать в языке не как однозначно положительное содержание, а как поле напряжения между нормой, ее конкретными историческими реализациями и критической рефлексией над ними.

Конфликт интересов		Conflict of Interest
Не указан.		None declared.
Рецензия Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	Review All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.	
Список источников:		
1. Бабаева Е.В. Отражение ценностей культуры в языке // <i>Язык, коммуникация и социальная среда: межвуз. сб. науч. тр.</i> Воронеж, 2002. Вып. 2. С. 25–34.		
2. Бердяев Н.А. <i>Русская идея</i> . Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2008.		
3. Здор Н.А., Рядчикова Е.Н. Понятие «интеллигенция» как составляющая черта национальной идентичности: лингвокультурологический аспект // <i>Язык как основа национальной идентичности: материалы Международной научной конференции</i> (Тула, 16–18 мая 2024 г.). Тула: Тульский полиграфист 1, 2024. С. 47–53.		
4. Лихачев Д.С. <i>Письма о добром и прекрасном</i> . М.: Прогресс, 1992.		
5. Лихачев Д.С. <i>О русской интеллигенции: письмо в редакцию</i> // <i>Новый мир</i> . — 1993. — № 2. — С. 3–9.		
6. Маслова В.А. <i>Лингвокультурология: учебное пособие</i> . М., 2001.		
7. Успенский Г.И. <i>Власть земли</i> // <i>Собр. соч.: в 9 т.</i> Т. 5. М.: ГИХЛ, 1956.		
8. Холодов Н.Н., Кованцева Л.В. <i>Аксиологическая семантика в синтаксических структурах с отношениями тождества и различия</i> // <i>Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы: тезисы Международной конференции</i> . Т. II. М.: Филология, 1995. С. 530–531.		
References		
1. Babaeva E.V. <i>Reflection of Cultural Values in Language</i> // <i>Language, Communication and Social Environment: Interuniversity Collection of Scientific Papers</i> . Voronezh, 2002. Issue 2. Pp. 25–34.		
2. Berdyaev N.A. <i>The Russian Idea</i> . St. Petersburg: Azbuka-klassika, 2008.		
3. Zdor N.A., Ryadchikova E.N. <i>The concept of “intelligentsia” as a component feature of national identity: a linguoculturological aspect</i> // <i>Language as the Foundation of National Identity: Proceedings of the International Scientific Conference</i> (Tula, May 16–18, 2024). Tula: Tula Poligrafist 1, 2024. Pp. 47–53.		
4. Likhachev D.S. <i>Letters about the Good and the Beautiful</i> . Moscow: Progress, 1992.		
5. Likhachev D.S. <i>On the Russian Intelligentsia: a letter to the editor</i> // <i>Novy Mir</i> . — 1993. — No. 2. — Pp. 3–9.		
6. Maslova V.A. <i>Linguoculturology: a textbook</i> . Moscow, 2001.		
7. Uspensky G.I. <i>The Power of the Earth</i> // <i>Collected Works: in 9 vols</i> . Vol. 5. Moscow: GIKhL, 1956.		
8. Kholodov N.N., Kovantseva L.V. <i>Axiological semantics in syntactic structures with relations of identity and difference</i> // <i>Linguistics at the end of the 20th century: results and prospects: abstracts of the International Conference</i> . Vol. II. Moscow: Filologiya, 1995. Pp. 530–531.		
Информация об авторе:		
Рожик Елена Николаевна , преподаватель кафедры русского языка как иностранного филологического факультета Кубанского государственного университета. Краснодар, Россия. E-mail: rozhik_e@mail.ru		
Elena N. Rozhik , lecturer at the Department of Russian as a Foreign Language, Faculty of Philology, Kuban State University. Krasnodar, Russia		
Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.08.2026;		
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 05.09.2026;		
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2026.		
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.		